

Константин Николаевич Леонтьев

Паликар Костаки

Константин Леонтьев

Паликар Костаки

«Public Domain»

Леонтьев К. Н.

Паликар Костаки / К. Н. Леонтьев — «Public Domain»,

«Если вы любите, господин мой, слушать истории разные про то, как живут люди в Турции и что случается в наших местах, – я расскажу вам, как влюблен был один молодой сулиот наш Костаки в дочь богатого купца, Стефана Пилйди, и как он на ней женился...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Константин Леонтьев

Паликар Костаки

Рассказ кавасса-сулиота

I

Если вы любите, господин мой, слушать истории разные про то, как живут люди в Турции и что случается в наших местах, – я расскажу вам, как влюблен был один молодой сулиот наш Костаки в дочь богатого купца, Стефана Пилйди, и как он на ней женился.

Костаки значит Константин. Так его крестили. Он был всегда мне близкий друг, и теперь я иногда езжу к нему в Акарнанию.

В этой истории можно видеть, как велика премудрость промысла Божия! Как одним бывает от чего-нибудь убыток и погибель, а другие чрез это судьбу свою составляют и желаниям своим успех видят.

Не случись пожара в городе, где бы Костаки взять дочку у Пилйди! А пожар этот полсотни лавок сгубил, весь базар уничтожил, богатых разорил, а бедных без хлеба на несколько месяцев оставил. Да это я вам после скажу. Теперь о самом Костаки. О Сулии слышали ли вы как следует? Марко Боцарис был сулиот: и даже сестра его Еленко сражалась с турками и была убита. На пути из Янины в Арту стоит у самой дороги большое дерево, под которое ее раненую положили турки, и она скончалась под ним... Есть у нас и стихи старинные про Еленку.

Все капитанши, все черноглазые.
Все попались в плен туркам, всех их забрали.
Одна только Лена Боцарис, эта одна черноглазая,
В плен не попалась и ее не забрали.
Пятеро турок за нею бегут и пять янычаров.
Обернулась к ним Аена и так говорит; обернулась и молвит:
Турки мои! не трудитесь напрасно, не тратьте труда вы;
Елена я Боцарис и Марку сестра я;
Ружье ношу я, саблю дамасскую и пистолеты серебряные.
И в руки турок живая не отдамся!

Горы наши страшные со всех сторон видны. Если ехать из Янины в Превезу или в Арту, они будут на правой руке; а назад поедете, они будут у вас на левой. Крепость Сулии стоит высоко, и ехать туда трудно даже на самом хорошем муле. Дорог вовсе нет от деревни к деревне; только в долине Лакки полегче. И я, и Костаки, друг мой, в этой Лакке родились.

Сулиоты все герои. Неужели вы не слышали и не читали в книгах, как тиран эфирский Али-паша хотел завоевать Сулию и как сулиотские женщины с высокой скалы побросали детей своих и побросались сами? Спаслись, пробившись с оружием сквозь турецкое войско, очень немногие. А отдаться никто не хотел!

Вот что такое сулиоты! Поэтому и зовут даже нашу Сулию: *Злая Сулия*. Сулиотов наших и лорд один великий хвалит в своих сочинениях. Я забыл его имя, но его у нас еще помнят старики; игумен в монастыре Св. Илии, что в Зице, говорит: «Как сейчас пред собой вижу: кудрявый и красивый мужчина был; в монастыре нашем три дня гостил, и с меня портрет карандашом снял, и отдал мне на память, да пропал портрет с другими бумагами во время албанских набегов». – Этот лорд в Миссалонге умер; он бросился за греков сражаться, да забо-

лел и скончался. Да простит Бог его душу! Хоть он и англичанин был, а я все-таки скажу: да простит Бог его душу!

Вот этот-то лорд в своих сочинениях, сказывают ученые люди, весьма возвышенно хвалил сулиотов и говорил: «я сам храбр и за Элладу кровь пролью, а сулиоты уж свыше всякой меры герои».

II

Как сулиотские женщины кидали с горы своих детей, так бросили и мать нашего Костаки; ей тогда уже десять лет было; она кричала и не хотела, бедненькая, кидаться, но мать насильно столкнула ее, и Бог ее дивным, удивительным образом спас. Послушайте, эффенди: это приятно слышать! Как бросила ее мать, она прямо с ужасной крутизны на другие тела упала и только ногу попортила.

Вот вещи какие их род видал! Отец его тоже старик отчаянный был. Усы седые вот до каких пор!

Выпьет – веселый человек станет; один раз к нашему консулу пришел. Деревенский человек, простой. Посадил его консул. Люблю, говорит, старых людей, уважаю! Вина ему, раки¹, кофе, чубук... Старик и важность свою бросил.

– Дайте мне, ваше сиятельство, позволение петь.

Дал консул с радостью. До полуночи старик пел разные старые песни, а консул, глядя на него, веселился.

А дома он был суровый человек. Все мы в горах жен наших в строгости большой держим; они с нами и за стол не смеют сесть, а стоя служат нам и кушают после. Я и сам раз хотел было застрелить жену свою, и вот за что. Шел я по улице, а она у соседских ворот стоит с соседкой и смеется, спиной к улице; я иду, она видит и должна была повернуться ко мне лицом. Да забыла, бедняга, видно. Я дома и показал ей, что значит муж. Оно, конечно, я уж не деревенский человек, и европейское обращение с господами видел, и даже чрез меру знаком со всем этим, ибо много консульш всяких держав, и других знаменитых и официальных дам знавал близко. Поэтому я на жену и не рассердился взаправду, а только вид ей страшный показал, чтобы древний обычай чтить.

Да это я так, а другие у нас хуже меня много.

Уважают жену всячески, но чтобы она помнила, что она жена. Старший брат нашего Костаки женился в другой сулиотской деревне на девушке из очень хорошей семьи. И дядя, и отец, и дед ее под Миссалонги сражались и начальниками были; деда Али-паша уважал; а другой ее дядя уехал в Афины учиться и вышел ученейший человек. С материнской стороны дядя у нее полковник греческой службы, потому что маленьким в Афинах учился. Вот такая родня!..

Когда повез жену свою старший брат Костаки в дом отца, видит он, что она еще такая молоденькая и нежная, пожалел и посадил ее на лошадь, а сам около пешком пошел. Жалко, говорит, а другой лошади не взяли. Увидел старик новобрачных и встретил их с ружьем в руке.

– Видишь это ружье, негодяй! – говорит сыну, – другой раз увижу, на месте убью.

– За что, Христос и Панагия²? – говорит сын.

– За что? – говорит старик. – Разве прилично воину сулиотскому жену посадить на лошадь? Ты сиди сам на лошади, как мужчина, а жена должна идти около и ружье твое на плече нести. Если тебе жалко стало ее, по дороге вез бы на лошади, а в деревню не въезжал бы срамить меня.

---

¹ Раки – водка.

² Панагия – Божия Матерь, Всесвятая.

Такая вся родня была у Костаки честная и хорошая, никто их семью в бесчестном каком-нибудь деле укорить не смел. И род знаменитый их был в наших горах.

III

Костаки и сам был малый, как у нас говорится, *костяной, нос*.

И ростом, и силой, и смелостью из первых у нас. Тан-цовать станет – все любуются: сперва тихо начнет; одну ногу подвинет важно и тихонько, потом другую выставит и остановится: глядит на всех. А потом как подопрется и закружится и запрыгает, фустанелла на нем из трехсот кусков сшита, пышная, развеивается – удивительно! Я тоже, эффен-ди, танцую хорошо, но Костаки гораздо лучше меня танцевал. Сулиоты все наши одеваться любят чисто. Если вы заедете в наши горы и увидите наших, как они бедно живут, вы удивитесь и скажете: *дикие люди!* Наши дома не то, что в городах, а у редких хозяев потолок в доме есть. Стекла на окнах никак во всей Сулии у одного только человека и есть, да и то недавно вставил их. Зимой, как поднимется ветер и снегом нас начнет заносить, мы в бурках у очага сидим и ставни притворим днем. Школ в других округах Эпира много, а у нас ни одной нет до сих пор. Нельзя и быть нам богатым. Ружье – вот наша жизнь настоящая. А как другие эпироты – жить ремеслом, у нас не в обычае. Лучше слугой пойти к богатому человеку, чем столяром или башмачником быть. Так-то мы как дикие звери живем, эффенди. По мне вы не судите, я политике в городах обучался и даже в Болгарии был и в Боснии. А гордость у сулиотов наших у всех большая. Посмотрите вы на маленького сулиота в каком-нибудь хозяйском доме в Янине или в другом городе, на малое неразумное дитя десяти каких-нибудь лет. Что вы видите? Слугой его взяли в дом, например, и без платы, а только одевать и кормить. Завелись у него две фустанеллы; он встанет рано, сам вымоет фустанеллу, утюгом выгладит и наденет, и уж пробует, как ему красоваться в ней. И так станет, и так прыгнет, и протанцует один! Завелись небольшие деньги у сулиота, он сейчас оружие хорошее покупает, одежду такую, что обувь одна, красная шелковая с кистями, лир пять турецких стоит, серебряные щипчики, чтобы уголья горячие доставать из мангала³ для чубуков, за пояс золотом шитый заткнет и гордится. «Пусть видят люди, что воин-человек идет!»

Другие эпироты, хоть бы яниоты или загорцы богатые, смеются над нами. «Варвары люди!» – говорят они об нас. Однако ни яниот, ни загорец недостойны к оружию прикоснуться, и без наших капитанов сами турки и паши разбойников даже преследовать не могут. Придет час, господин мой, и вы опять увидите, что значит сулиот!

Таковое мое слово вам.

Костаки тоже, как следует сулиоту, одевался чисто, и сам консул, у которого я служил, всегда хвалил его за это. Придет ко мне в гости Костаки; если консул его увидит, всегда скажет ему: «Добрый вечер, Костаки! Что ты делаешь? Какой ты опрятный, я все люблю на тебя. Скажи мне, Костаки (раз это ему консул говорит), отчего это у вас люди простые, ремесленники, кавассы и все сельские пали-кары такие чистые и нарядные? И белого на вас столько, и все чисто, и руки вы чисто держите, так что вас в пример европейцам можно поставить; а купцы богатые ваши, доктора, ученые и все, что у вас европейскую одежду носят и кого вы, дураки, благородными, чорт знает почему, зовете, отчего они такие неопрятные и неловкие, и сюртуки скверно сшиты и на воротнике сала три ока? Отчего это?»

Мы улыбаемся оба с Костаки и молчим. Хоть и знаем, что сказать, а хотим консулу почтенье показать, как будто стыдимся.

– Говорите же! – рассердился немного консул.

---

³ Мангал – жаровня, brasero, для согревания комнат зимою; употребляется, если не ошибаюсь, во всех южных странах Европы и на Востоке.

– Моя такая мысль, г. консул, – говорит Костаки, – думаю я, эти богатые и ученые у нас надеются, что их и паши, и консулы и всякий примут и посадят, и уважение сделают, хоть они и грязные придут. А нам, горцам, что делать, чтобы хоть немного получше казаться? мы и украшаем сами себя, как умеем.

– Умно говоришь ты, Костаки, – говорит консул. – А я еще и другое думаю: что поздешнему одеваться, от отца и деда, и прадеда обычай идет, и всякий знает как надо. А эти медведи хотят по-европейски одеться – и не умеют. Так, как ваши архонты одеваются, у нас так нищие либо преступники галерные одеты.

Ужасно любит этого Костаки наш консул. Все говорит ему: «Когда ж это я тебя к себе кавассом возьму да увижу тебя с красотою твоей в красной куртке, золотом расшитой? Что мне делать? Мои старики-кавассы верно мне служат столько лет. Не могу я прогнать их чрез тебя! А более четырех не положено!»

Покраснеет Костаки от радости. Как не радоваться похвалам таким?

Придумал наконец консул в сеисы, то есть в конюхи его взять.

– Если, – говорит консул, – не умеешь за лошадыми смотреть – не смотри; я другого возьму для ухода, а ты только для красы будешь; будешь около меня идти, когда я с визитами верхом поеду, и стремя будешь держать, когда сажусь. Что скажешь?

– Нельзя, – говорит Костаки; – то, другое, третье... Нельзя.

А говорил он неправду все. Не хотел от гордости сеисом стать. И хорошо сделал. Иное дело кавасс, иное дело сеис. Сеис простой слуга; его и турки схватить и судить могут без спроса у консула. А кавасс вещь великая: кавасс оружие носит; кавасс точно офицер иностранный; он жизнь и честь консула защищает; для него паша – нуль, поверьте мне! Для него одна глава – консул. Прикажет консул: «убей этого турка!» – и убью я без страха. Это не я, а консул убил. Консул своему правительству отвечает. А мне одно дело есть – повиноваться консулу. Меня не смеет и паша тронуть без позволения консула. На это трактаты существуют, клянусь вам! Место паша свое потеряет, если тронет меня. И нельзя иначе: фанатизма еще много у турок; консулу трудно ходить одному по улицам. Турчата камнями бросят; солдаты честь не отдадут; обругают и прибьют нарочно; а потом, дьявольские души, скажут: «Мы люди простые, виноваты, и не знали, что это консул; кавасса с ним не было; мы думали, простой франк».

Да и наши христиане, без злого умысла, а по грубости на базаре толкнут. Знаете, наш грек, как об деньгах заспорит, не то консул, король сам иди, не рассмотрит; он смотрит, как бы свои полпиастра выиграть.

А порядок ли это, чтобы представителя великой державы, которого всякий в городе знает, какой-нибудь глупый человек на базаре толкал?

Вот у нас что значит кавасс, господин мой! Великое дело кавасс; он и в бумагах зовется «привилегированным». А конюх – одно слово конюх.

Костаки и не мог пойти в конюхи, потому что он был из слишком хорошего капитанского рода. И хлеб у семьи их все-таки какой-нибудь был.

Теперь я хотел вам еще сказать, какой Костаки был хитрый и смелый.

Этому, господин мой, я надеюсь, вы даже смеяться будете.

IV

С турками ссориться и драться у Костаки было нипочем. И не думайте, чтоб он это делал как дурак; а иной раз силой и отвагой, а другой раз и умом и хитростью возьмет.

Один раз, однако, не умом и смелостью спасся, а счастьем одним. Спасла его старушка одна, и старушка эта после всю судьбу его устроила. Не будь этой старушки, было бы худо ему от турок.

Надо вам и то сказать, что старик, отец Костаки, был в 54 году в делах замешан, и потому, как дела испортились, он уехал в Элладу и с греческим паспортом вернулся в Турцию.

Турки его не трогали, только греческим подданным ни его, ни Костаки, ни других его детей не хотели считать.

Я поэтому не раз и говорил Костаки:

– Остерегайся, брат! У консулов греческих силы мало, турки их боятся; а твоего эллинского подданства и знать не хотят... Смотри!

Иногда он меня и слушался, а иногда нет.

Есть у нас в городе старик один, дервиш, и любит он греться у своего домика на солнце. Ничего старик: ни худа, ни добра никто от него теперь не видит. Однако люди, которые молодым его помнят, говорят, что он был зол и фанатик.

Костаки мимо него каждый день по делам своим проходил. Сердце его требовало сказать что-нибудь, чтобы подразнить турка.

Проходит и шепчет, как будто про себя, «Чтобы вся ваша порода с Магометом проклятым не спаслась от зла!»

Старик раз прослушал, два прослушал и пошел жаловаться кади. А кади человек опасный был; никаких новых уставов знать не хотел, а только свой шерият⁴ старый. Денег он не брал; а турок честный для нас еще хуже вора: от вора откупишься, а от честного не спасешься ничем. Позвали Костаки, он не испугался, а только притворился, что испуган, и говорит: «Я? да что я сумасшедший, что ли, кади-эффенди, чтоб живя в Османли-девле-те, да против вашей веры говорить стал такие скверные слова! Врет старик от злобы, а я не боюсь, потому что знаю, что кади-эффенди не на веру чью, а на правду смотрит».

– Хорошо ты говоришь, сын мой! – сказал кади. – А ты, старик, сам дервиш, а не знаешь, что суд *мехкеме* наш двух свидетелей требует.

Только это он не при Костаки, а после дервишу сказал. На счастье Костаки, в мехкеме пришла в эту самую минуту по своему делу одна старушка, Катйинко

Хаджи-Димо, христианка. Слышала она, и хоть и не имела с Костаки знакомства, а пожалела его. Думает: «где бы его найти?» Отыскала и говорит: «Паликар молодой! берегись: по твоему делу два свидетеля будут».

На счастье, дервиш был почти нищий, подкупить ему свидетелей нечем было; и приходилось правды держаться: упросил он двух турок спрятаться за стену могилы турецкой и ждать Костаки.

Костаки идет мимо и говорит громко товарищу, который с ним был:

– Ах, что у нас за счастье нынче в городе, что кади у нас справедливый и клеветы не любит!

Свидетели и ушли ни с чем. Неделю Костаки молчал, а потом опять проклял Магомета. А старичок уж только вздохнул и говорит:

– И я, брат, его проклинаяю теперь, потому что он слуг своих нехорошо защищает.

Да и мало ли что еще я могу сказать про Костаки! Патриот был мальчик этот! 19 лет ему всего было, а он эллинский крест вытравил себе на руке, и с этим знаком его все турки видели.

Пришел я в наш город, когда его родители померли, и не знал он, чем заняться. Денег отец его, хоть и не беден был, а не много оставил; много тоже на проценты было роздано, и многое из них пропало через злодейство людское и через неправосудие турок.

---

⁴ Шерият – священный закон, суд по Корану, которому долгое время были подчинены не только турки, но и христиане в Турции. Исключение составляли всегда лишь семейные и чисто религиозные дела, которые судились архиереями с помощью старшины. Издание новых законов избавило христиан от шерията, по крайней мере в принципе; но это не могло сделаться вдруг, и многие мусульманские судьи, вопреки всевозможным обещаниям и распоряжениям, долго судили лишь по шерияту.

Я тоже в это время отошел от консула и стал жить в этом городе и торговать. Торговал я русской кожей, которую у нас зовут *телятиной* и из которой и здесь и в Акарнании шьют чарухи⁵.

У Костаки от отца осталось лир сто. Я и говорю ему: «Будем торговать вместе». Он согласился, и все дивились в городе, что два сулиота магазин открыли.

Наши, кроме баранов да еще уголья и дрова кое-какие привозить в город и продавать, ничего не знают.

Жили мы с Костаки хоть и врозь, потому что я семью мою в город привез, но виделся с ним каждый день, и тогда-то узнал я, что дочь Пилиди моему паликару сердце согрела.

V

Влюбился Костаки в дочь купца Пилиди. Только вы, господин мой, не думайте, что в нашей стороне бывает любовь как у других, у франков, или у русских, или в Афинах, что девушка с молодым человеком разговаривает или под ручку гулять с ним идет. У нас этой свободы нет. Я в жизни моей множество вещей видел и стихи читал разные, и мифические истории о любви; у других людей иначе это все бывает, а у нас иначе. В Болгарии я был, например, и как увидал, что простые, сельские девушки у болгар с молодцами танцуют; возьмутся все руками, вокруг станут и пляшут, и прыгают высоко, – и девушки, и мужчины, – Господь Бог один знает, как я удивился! И смешно мне и стыдно стало; и еще удивительнее для меня было, что эти болгарские паликары возьмут цветок и девушке при всех дают. Это значит: «Я тебя люблю». В Боснии тоже я был. Так там не только христиане, и турки с молодыми девушками на улице смеются. Девушки придут за водой на колодезь; а паликары-босняки и христиане, и турки с ними шутить станут. Подойдет другой, сейчас ей два-три комплимента скажет; и она рада! И это у них *ашик* называется.

Где у нас так делать!

У нас в Эпире девушка как подросла так, что можно замуж идти, запрут ее в дом, – и никуда она выходить не смеет; не то на танцы или на свадьбу чью, аив церковь нельзя. Срам великий! Один раз в год все девушки причащаться в одну церковь собираются ночью, и кроме попа и певчих ни одного мужчины нет тогда в церкви; и митрополит в эту ночь у паши заптие требует, чтобы дверь церковную стерегли. И в самом вилайете, в Янине, еще строже, чем в других местах. И чем богаче дом, тем строже, потому что и спрятать девушку в богатом доме легче.

Извольте теперь судить, какая у нас любовь может быть! Скверное наше место насчет этого!

Однако пока еще девушка не выросла совсем для замужества, ее можно видеть везде, – и в доме гостям варенье и кофе она подает, и в школу по утрам ходит, и в гости, и на танцы ее берут родители, пока мала.

Так и Костаки наш Софицу Пилиди узнал, когда еще ей четырнадцать лет было; и влюбился в нее. Она уже велика была, а еще ходила в училище. По мне, ничего в ней хорошего не было, бледная и худенькая, как почти все наши эфирские женщины. (Это так! у нас все больше худые; род уже такой!) Глаза у нее это правда, что сладкие были, и обращение хорошее, целомудренное.

Идет с нянькой утром в училище всегда очень скромно, а вечером из училища в дом отца возвращается. Одета она была по-старинному и не шляпку на голове носила, а феску; идет, и глаз от земли не подымет. И обучена была она в школе свыше всякой меры хорошо.

---

⁵ Чарухи – красивая обувь, с загнутыми вверх носками, которая употребляется в Эпире, Акарнании и других странах. Делается из красной русской кожи, которую греки зовут телятины.

Подушки по канве большими франкскими цветами вышивала; рубашки европейские шить умела. Историю и географию всю наизусть знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.